

Глава 4.1.

— Ах да, школьная поездка. Точно. Мы тогда впервые ночевали вне дома и делили постель.

— Кто так описывает школьную поездку.

К тому же они были даже не в одной комнате, так что выражение «делили постель» тоже не подходило.

— Помню, что мы ели на той остановке. Кстати, может, заскочим ненадолго?

— А что мы тогда ели?

— Палочку с морепродуктами и картофельные шарики. Я заказал удон, думал, что управлюсь за пять минут, но ты пришёл за мной.

— Ах, точно. Было такое.

Кон Пёнхва сказал, что тот удон, который он тогда так и не съел, внезапно всплыл в памяти, и вбил остановку в навигатор.

Это было в первый день школьной поездки, по пути в Кёнджу на туристическом автобусе от школы, на остановке, где они сделали короткую паузу. За два часа до обеда, на остановке, где они задержались совсем ненадолго, примерно половина учеников пошла в туалет, а другая половина доставала карманные деньги, чтобы купить хоть что-нибудь в закусочной.

Кон Пёнхва, который усердно закалял свой желудок, постоянно что-то жуя ещё до школьных обедов и неизменно поглощая десерт после каждого приёма пищи, не мог позволить себе терять время даже на остановке.

Как воробей не может просто так пролететь мимо мельницы, так и Кон Пёнхва не мог пройти мимо закусочной и фуд-корта на остановке. Он стратегически разместил заказ на удон, а пока удон готовился, взял в закусочной ореховые пирожные и картофельные шарики, чтобы съесть в автобусе, и, разделив обязанности с Чон Сону, проворно раздобыл картофельный хот-дог и палочку с морепродуктами. Съев вместе с ним картофельный хот-дог и палочку с морепродуктами, он отправил Чон Сону, который не заказывал удон, вперёд, а сам, получив свой удон, как ни в чём не бывало уселся за столик.

И как раз когда он собирался подцепить первую порцию палочками, ему позвонил [♡Любимая Курочка♡]. Кон Пёнхва отложил палочки и придал голосу нужный тон.

— Алло, дорогуша?

— Ты где сейчас?

Услышав деловой тон, Кон Пёнхва, у которого была стопроцентная чуйка на такие моменты, мгновенно понизил голос, будто и не было секунду назад никакой ласки.

— А тебе-то что с того.

Кон Пёнхва резко оборвал звонок. Он нагрубил и бросил трубку, так что Сэбёк, наверное, расстроился. Позже, когда они встретятся, придётся униженно извиняться и успокаивать его. Тайные отношения, да ещё и с притворной враждой друг к другу, — это было ох как непросто.

Закончив разговор, он заодно глянул на телефон и увидел горы пропущенных звонков и сообщений. В основном от классного руководителя и от Чон Сону. Почти все спрашивали, где он, или требовали возвращаться скорее. Автобус уже вот-вот должен был отправляться, а парня с гипсом нигде не видно — наверное, поэтому. Кон Пёнхва подумал об этом как о чужой проблеме и уже подцепил лапшу удона, но в тот самый миг его резко накрыло любимым феромонным ароматом.

— Мы сейчас отправляемся, так что пошли.

— ...

Кон Пёнхва быстро просканировал обстановку и произнёс:

— Как я уже говорил на крыше, ты сегодня очень мило выглядишь в обычной одежде.

—...Просто быстро съешь один кусочек удона и пойдём.

Сэбёк, у которого покраснели кончики ушей, великодушно позволил ему хотя бы один укус.

— Мы не можем отправиться из-за тебя.

— У нас ещё три минуты в запасе.

— Именно поэтому я и даю тебе время на один укус. Давай, скорее.

Кон Пёнхва слегка выпятил губы и, подцепив кусочек тофу и одну-единственную розовую рыбную котлету, поднёс их ко рту Сэбёка.

— Горячо.

Сэбёк молча открыл рот и съел. Кон Пёнхва тоже выхлебал свой удон, будто выпил его залпом, и поднялся из-за стола. Как только они вышли из фуд-корта, от всего этого нежного, ласкового поведения не осталось и следа. Будто ничего и не было, они свирепо зарычали друг на друга, и Чон Сону пришлось вмешаться, чтобы разнять их.

После обеда, до самого прибытия на следующую остановку, Чон Сону, постоянно озираясь, без устали совал Кон Пёнхва картофельные шарики и ореховые пирожные.

— Да что ты так взъелся на Шин Сэбёка, прямо съесть его готов.

— Да он просто бесит до дрожи.

Потому что я люблю его! Потому что люблю! — яростно отвечал Кон Пёнхва про себя прямо противоположное, чуть приподнимая голову, чтобы украдкой метнуть взгляд на Сэбёка.

— Противный.

«Я люблю тебя!»

Сэбёк откровенно фыркнул.

— Чего он сказал?

«Я тоже».

Чон Сону, пребывавший в полном неведении относительно безмолвного взаимопонимания между Кон Пёнхва и Шин Сэбёком, всем телом бросался наперерез их горячим взглядам. Эта совершенно ненужная и бессмысленная самоотверженная борьба Чон Сону продолжалась до самого обеда, до 12:30, пока они не остановились на следующей остановке.

— Давай поедим удон. Удон. Удон. Удон.

— Ладно.

Кон Пёнхва стоял в фуд-корте, едва ли не пританцовывая от восторга.

— Ого. Ты только посмотри, как взлетели цены. До безумия дорого стало.

Истинный чеболю, умевший, как никто, прочувствовать сердце простого народа через еду, Кон Пёнхва с размахом, присущим чеболю, заказал самый дорогой удон с тэмпурой. Сэбёк же досконально изучил меню, строчку за строчкой, и заказал большую порцию набора с тонкацу и один ролл кимпаба. Кон Пёнхва аккуратно выудил кусочки тэмпуры из своего удона и переложил их в миску Сэбёка, то и дело бросая взгляды на его поднос.

— Дорогой, ты сегодня что-то жадина.

— О чём ты. Это всё тебе.

Сэбёк, который ещё со школы знал, что Кон Пёнхва никогда не насытится одним удоном, подвинул к нему тарелку с аккуратно нарезанным тонкацу.

— Чтобы тебе не пришлось переводить дух во время еды.

Сэбёк с самого начала рассчитывал только на один ролл кимпаба для себя. Он съел удон — значит, его потянет на рис; он поел жидкое — значит, похлёбка ему сейчас не нужна; и это должно было быть что-то не слишком маленькое по порции, но при этом такое, что Кон Пёнхва любит. После чисто логических умозаключений вывод был один — тонкацу.

— Что же мне делать..

— Ч-что?.. Что такое?

— Кажется, я женился чересчур удачно...

Несмотря на внезапный приступ приторной нежности, Сэбёк, хоть и опешил, невольно рассмеялся. Он-то думал, что они плотно и с удовольствием поели, наслаждаясь этим тёплым временем вдвоём, но, похоже, так считал только Сэбёк.

Кон Пёнхва заявил, что уж раз они на остановке, им непременно нужно купить ореховые пирожные, и приобрёл две подарочные коробки, а также два пакета ореховых пирожных, чтобы есть по дороге.

— Говорят, тут два вида начинки.

— Ладно.

— Это просто коварный маркетинговый ход, чтобы вынудить купить и те, и другие.

— Я сказал «ладно», так что уговаривать меня не обязательно.

Кон Пёнхва с ликующим «Йа-ху!» — это было очень мило — загрузил ореховые пирожные. Даже когда они выехали с остановки, дорога всё равно была забита под завязку. Что сегодня за день такой? До праздников вообще-то ещё далеко. Заметив, что Сэбёк, кажется, скучает, Кон Пёнхва включил радио.

По радио ведущий жизнерадостно поприветствовал слушателей под бодрую, весёлую музыку.

— Сегодняшняя история пришла к нам от одного омеги из провинции Кёнги. Давайте посмотрим, что же его тревожит.

Похоже, там что-то серьёзное. Что же это за забота такая, ради которой написали на радио? Супружеская пара альфы и омеги сосредоточенно прислушалась к голосу ведущего.

— Он мучается вопросом, стоит ли ему проходить запечатление с человеком, с которым у него сейчас «сём». Прямо сейчас это замечательный человек, но, видите ли, очень многие люди меняются после запечатления. Вот такая дилемма.

Об этом и правда стоило помучиться. Кон Пёнхва и Шин Сэбёк усердно закивали. Вопрос был несколько иного толка, но и Кон Пёнхва с Шин Сэбёком когда-то мучительно переживали по поводу запечатления.

Это было в первый день школьной поездки, после посещения Соккурам и Пульгукса, когда все разбрелись по комнатам общежития и разбирали вещи. До ужина было свободное время, но все настолько устали, что только и норовили завалиться на пол. Однако Кон Пёнхва, у которого в избытке были разве что выносливость, сила и здоровье, слонялся без дела неподалёку от жилья. Он в первую очередь выяснил, где находится магазинчик, и прикидывал, где бы можно было тайно встретиться с Сэбёком, как вдруг, словно по воле судьбы, наткнулся на него.

Поскольку никогда не знаешь, кто и откуда может появиться, он совершенно естественно достал телефон и позвонил Сэбёку.

— Эй. Ты куда это сейчас?

—...Я хотел принять лекарство, но вокруг столько глаз, вот и вышел.

— Лекарство? Ингибиторы?

Обеспокоенный паузой, которую Сэбёк сделал перед ответом, Кон Пёнхва спросил, ингибиторы

ли это, и Сэбёк тихим голосом подтвердил.

— Мы же сегодня утром провели феромонный душ.

— Ты знаешь ту школу, с которой у нас постоянно совпадал маршрут на остановке.

Поскольку все школьные поездки примерно одинаковы, их маршрут пересекался с одной мужской школой из провинции Кёнги.

— Завтра, наверное, опять будет совпадать. Сегодня я как-то справился, но завтра, вполне вероятно, даже минутной возможности для феромонного душа не будет, вот я и решил заранее принять лекарство.

— Хочу поубивать всех этих альф-ублюдков.

Хотя сам он был альфой, Кон Пёнхва разразился альфо-ненавистническими речами и принялся хлопать себя по лбу.

— Они же на экскурсии, так что им не до учёбы. Всё нормально. Ну, может, просто будет немного вялости в теле, только и всего.

— Вот если бы мы уже запечатлелись..

Тогда бы не нужно было пить таблетки, он бы не чувствовал чужие феромоны, не было бы принудительной течки, и не пришлось бы мучиться от побочных ингибиторов. Но...

Кон Пёнхва осёкся и прикрыл рот рукой.

— Считаю, что ты этого не слышал. Ошибка. Ошибка.

—...Почему? Я думаю, что был бы не против запечатления.

Заявить «мы встречаемся, но запечатляться не будем» — это всё равно что согласиться на отношения с прицелом на брак в подходящем возрасте, а в итоге так и не пожениться и просто сожительствовать. То ли Сэбёк и правда устал, что было на него непохоже, он надулся и заговорил с явной обидой в голосе.

— Честно говоря, мне безумно нравится, что мы каждый день обмениваемся феромонами, целуемся и всё такое, но когда я думаю о тебе, я и правда считаю, что запечатление было бы правильным, понимаешь?

— Но?

— Но мы ещё слишком молоды, и ты можешь встретить кого-то лучше меня, так что, мне кажется, пока правильнее оставить всё как есть. Говорят же, что большинство пар расстаются, когда поступают в универ.

И это говорил тот самый парень, который в любой другой ситуации упёрто твердил бы, что запечатление — это круто, запечатление — это офигенно, давай запечатлимся. А тут он заявляет «пока оставить всё как есть». Кон Пёнхва, который... думает о конце их любви?

Он же говорил, что хочет открытых отношений. Он же говорил, что подумывает даже о свадьбе. Кон Пёнхва, произносивший такие противоречивые слова, вызывал у Сэбёка не просто разочарование, а искреннюю обиду и досаду.

— Я сейчас говорю это всё очень по-взрослому, хладнокровно и рационально, но как только я это выпалил, у меня внутри всё перевернулось. Нет, у меня и так уже всё давно перевернулось. Я так ревную, что сдохнуть можно, понимаешь? Ах... Я хочу убить всех альф в радиусе сорока тысяч километров от Шин Сэбёка. Ах, как же меня бесит! В мире, наверное, полно парней и получше меня, но встречайся только со мной. Целуйся только со мной. Будь только со мной. Давай будем университетской парой, раздадим приглашения на свадьбу всем однокурсникам и профессорам, будем каждый год на годовщину играть повторную свадьбу, а что касается планов на детей...

— Успокойся.

Обиду как рукой сняло. Ну разумеется. Кон Пёнхва есть Кон Пёнхва.

— В тот самый момент, как я унаследую свои акции и стану взрослым человеком, способным полностью нести за тебя ответственность, мы сразу же запечатлимся. Сразу же. Обещаю. Обещаю. Обещаю.

— Ладно. Обещаю.

— Устное обещание — это тоже обещание. Это договор. Ты ведь это понимаешь? Понимаешь?

— Ты ведь знаешь, что договор, подписанный несовершеннолетним без согласия законного представителя, недействителен?

— Вот за это я и не люблю умников...

—

— Хм... Я, честно говоря, бета, поэтому понятия не имею, насколько это весомая вещь — запечатление. Насколько известно миру, оно связывает тебя с партнёром до самой смерти, поэтому говорят, что это самая романтическая ловушка на свете.

Кто-то сечёт. Кон Пёнхва, будущий энтузиаст запечатления, всей душой готовый добровольно попасть в самую романтическую ловушку на свете, крепко сжал руку Сэбёка.

— Связанным до самой смерти — честно говоря, это звучит пугающе. С одной стороны, это, наверное, даёт чувство покоя, но с другой — человеческое сердце, оно ведь непредсказуемо. Поэтому я слышал, что в последнее время многие пары альф и омег не проходят запечатление. Поскольку это очень серьёзный вопрос, мне кажется, что лучше всего проходить запечатление тогда, когда вы будете полностью уверены. Надеюсь, это поможет, а я ставлю заказанную песню — «Алый Колорист».

Зазвучала довольно утончённая акустическая гитара, и полился голос дивной красоты. Запечатление часто изображают как высшую форму любви. И всё же Кон Пёнхва и Сэбёк до сих пор так и не запечатлелись.

— Именно потому, что мы не запечатлелись, все наши школьные годы были полны адреналина.

— Как и ожидалось, прошлое приукрашивается.

Конечно, то, что им из-за отсутствия запечатления приходилось встречаться каждый день ради ежедневного феромонного душа, было... вроде как и неплохо? Но всё же, если подумать об удобстве, разве запечатление не было бы лучшим вариантом? Кон Пёнхва говорил «адреналин», но на самом деле разве разок-другой они не тряслись от страха, что их раскроют?

Взять хотя бы ту же школьную поездку...

На второй день поездки плотный график продолжался с самого утра. Позавтракали, посетили Чхонмачхон и Чхомсондэ, затем осмотрели Керим, Сокпинго и Анапчи, после чего пообедали где-то рядом. Потом ученики посетили завод POSCO, а затем отправились аж к подводной гробнице короля Мунму, и, едва вернувшись в общежитие, они кто через силу поужинал, кто вообще пропустил ужин и просто рухнули без сил. Формально это было свободное время, но ученики, вымотанные конкурсом талантов и жёстким расписанием, были заняты только тем, что включали телевизор в своих комнатах и вяло листали телефоны.

Кон Пёнхва нервно тряс ногой. Вчера, в первый день, они приехали в школу пораньше, обменялись феромонами на крыше и даже поцеловались. А сегодня? Сегодня? Ну что за безумно плотный график, в самом-то деле.

По большей части всё, что они делали целый день, — это просто сидели в автобусе и ничего не делали, но у них не было ни единой свободной минуты, чтобы тайно встретиться с Сэбёком.

[Что делаешь?]

[Ща, собираюсь в душ (смуц)]

[;;;]

[Как мы позже встретимся?]

[Сегодня я просто выпью лекарство. Отдыхай.]

Кон Пёнхва ненавидел сам факт того, что Сэбёк должен принимать ингибиторы, даже когда он сам находился рядом. Его буквально трясло от негодования. Иногда перед сном ему в голову приходили мысли: а не взять ли и не провести запечатление в одностороннем порядке, просто так, раз — и всё? К счастью, Кон Пёнхва не обладал той глупостью, чтобы воплощать в жизнь то, что ему думалось на рассвете.

— А, чёрт.

— Чего? — Чон Сону с абсолютно бесстрастным лицом придавил ногу Кон Пёнхва. — Отвлекаешь. Чего? По-большому приспичило?

После такой «заботы» от Чон Сону разум Кон Пёнхва заработал с лихорадочной скоростью.

Кон Пёнхва решил идти напролом.

Кон Пёнхва без стука ввалился в комнату Сэбёка. И для чего он вообще так напрягал мозги? Думай не думай — вывод всё равно был бы тем же самым.

Так или иначе, развалившиеся ученики недоумённо уставились на внезапно появившегося Кон Пёнхва.

— Чего тебе?

Когда один из них спросил за всех, Кон Пёнхва надул губы и затараторил:

— Эй, даже не спрашивай. Все туалеты забиты, а этот гад Чон Сону засел там по-большому, уже полчаса прошло, и всё не выходит. А я хочу помыться.

При этих словах все вокруг зашептались.

— У него запор, что ли?

— Похоже на запор.

— У Чон Сону запор?

— Надо бы его капустой покормить.

Повесив на Чон Сону — который все восемнадцать лет своей жизни был благословлён безупречно лёгким утренним стулом — клеймо страдальца запором, Кон Пёнхва как ни в чём не бывало открыл дверь в ванную.

«Хм? Моешься и дверь не запираешь? Отсутствует инстинкт самосохранения?»

Судя по тому, что шума воды не было слышно, человек, видимо, уже почти закончил мыться, но всё равно — мыться, не запирая дверь... Кон Пёнхва уже собирался было сделать замечание, как вдруг кто-то крикнул:

— Там же сейчас кто-то моется! Кто там вообще?

— Вот удача. У меня же рука в гипсе, сам я мыться не могу.

Кон Пёнхва продемонстрировал загипсованную руку.

— А, ну да.

Кон Пёнхва запер дверь в ванную изнутри. Он столкнулся лицом к лицу с Сэбёком, который как раз стряхивал влагу с волос.

— Э-эй, ты что...ты зачем сюда...

— Помыться пришёл.

Да я про то, что у тебя своя комната есть, зачем ты именно сюда... Не успел Сэбёк договорить, как Кон Пёнхва схватил его за руку.

—...Ты пришёл мыться, а зачем хватаешь меня за руку?

— Можно я скажу кое-что, прямо как старый извращенец?

— Это ещё что за... Что?

Даже если это будет звучать как от старого извращенца, сейчас это будет только мило.

— Может, из-за того, что ты только что помылся, у тебя губы выглядят до невозможности соблазнительно...

Ах, ну, это и правда... слегка отдаёт старым извращенцем.

— Я хочу поцеловаться. Поцелуемся?

— Только поцеловаться?

— А что входит в эту категорию? С языком можно?

— Ай, да ну тебя.

С тех пор как они впервые поцеловались, они прикасались губами друг к другу каждый день без пропусков. Они были подростками в самом соку, так что, ну... это было неизбежно!

Сэбёк уж думал, сегодня они это пропустят, но он и правда пробрался во вражеский лагерь только ради того, чтобы немножко потереться губами? В очередной раз поразившись упёртости Кон Пёнхва, Сэбёк легонько прикоснулся губами к его губам и тут же отстранился.

— Быстро выходи. Ребята заметят.

— Не заметят. У Пёнхва есть план.

Ему было даже боязно спрашивать, что это за план. Судя по уверенному заявлению, какой-то план действительно имелся, но ему не особенно хотелось знать.

— Тогда я выйду первым. Увидимся завтра.

Кон Пёнхва схватил Сэбёка за руку, когда тот уже собирался уходить.

— У меня же рука в гипсе, так что ты должен помочь мне помыться.

— Ты просишь помочь тебе помыться, так зачем феромоны распускаешь?

— Феромонный душ — это тоже душ.

Ах, серьёзно. Сэбёк поморщился, но в то же время подумал, что это просто безнадёжно.

«И почему он мне теперь кажется невероятно милым?»

Ему чертовски нравились все эти дурацкие выходки.

—

— У меня до сих пор свежи воспоминания о том, как мы тогда целовались, пока губы не опухли. А? Может, повторим это сегодня ночью? А?

— А я ничего не помню, кроме скандала с запором у Чону.

— Хочешь, расскажу кое-что забавное?

Кон Пёнхва спросил, тихо посмеиваясь. И, похоже, не особо ожидая ответа, тут же продолжил:

— Он каждый год на день рождения получает капустный сок или капустные пилюли, но до сих пор не знает правды о том случае с запором. Он просто думает, что люди заботятся о его здоровье.

— В такой ситуации ты просто обязан ему рассказать.

— Я упустил момент один раз, а потом просто забыл об этом.

— ...

Итак, я вышел замуж за человека, который ради поцелуйного тайма — нет, ради феромонного душа — обрёк друга на репутацию хроника-запорника....

Сэбёк решил просто перестать об этом думать. Ну, всё равно размышлениями ничего не изменишь, да и устал он уже. Его голова то и дело клонилась вниз.

— Спать хочется?

Он старался не засыпать, но, видимо, это было заметно, раз Кон Пёнхва, сидевший за рулём, спросил.

— Немного. Может, старею. Всего-то немного поиграли, а я уже устал.

— Ты и правда сегодня много двигался. Поспи немного.

— Как я могу уснуть. Тот, кто за рулём, устал гораздо больше.

— А на что ещё годятся альфы, кроме как на физическую выносливость. Просто спи.

Кон Пёнхва игриво потёр щёку Сэбёка. От ласкового прикосновения, похожего на то, как почёсывают подбородок сонному коту, веки Сэбёка стали мягко смыкаться. По радио лился голос неземной красоты, и всё тело охватила приятная истома. Феромоны мужа и его негромкое мурлыканье были самым идеальным снотворным в мире.

Когда Сэбёк снова открыл глаза, была уже глубокая полночь, и луна стояла высоко в небе. Он увидел Кон Пёнхва, который разговаривал по телефону с дворецким Хваном.

— Хорошо поспал?

— Ага...

— Ах, какой милый.

Когда ещё не до конца проснувшийся Сэбёк ответил сонным, бормочущим голосом, Кон Пёнхва, у которого скулы взлетели до небес, снова принялся расточать нежности.

— Что ты такое говоришь... Погоди, а это разве отель?

Сэбёк, ничуть не смутившись, огляделся по сторонам. Вокруг почти не было людей, и открывался пустынный вид на... море?

— Я так понимаю, ты свернул не туда, и нас занесло прямо к морю? И как только можно было так заплутать, чтобы аж сюда...

Но всё же смотреть на открытое море было приятно. В отличие от реки или водохранилища, от горизонта, простирающегося до бесконечности, веяло каким-то необъяснимым чувством простора и свежести.

— Каковы ваши впечатления от возвращения на место нашего официального первого свидания?

Снова эти интервью-игры.

—...Ну, во-первых, я только что проснулся, и я ещё не совсем в себе, но как бы это сказать, глядя на это бескрайнее море, это.. это... вызывает трепет?

— Вы сейчас меня пародируете?

— Меня раскрыли.

Сэбёк, у которого была замедленная реакция, но отличная память, едва не оказался в центре скандала, слово в слово повторив чужие впечатления прямо перед автором, но быстро уладил всё с ним одним поцелуем.

— Ты же знаешь, что пародии и оммажи не дают индульгенции, да? Я прощаю тебя только потому, что ты мой супруг.

— Я сказал, что понял.

Они вышли из машины и прогулялись по пляжу. В первый раз, когда они сюда приехали, как назло, шёл дождь. На том самом официальном, полном суматохи первом свидании лил дождь.

—

На второй день школьной поездки, после яростного поцелуйного тайма — нет, яростного тайма душа — наступило время конкурса талантов. Улучив момент в шуме и суматохе, Кон Пёнхва выманил образцового ученика Шин Сэбёка наружу. Сэбёк думал, что они просто прогуляются где-нибудь неподалёку, и никак не ожидал, что Кон Пёнхва остановит такси. Он замешкался, но Кон Пёнхва со своей бульдозерной настойчивостью потащил его за собой.

— Нам нельзя так делать...

Самовольная отлучка — для Сэбёка, который ни разу в жизни не прогуливал, это был грандиозный акт бунта.

Он выглядел ужасно возбуждённым там, в душевой кабинке, значит, это всё-таки.. то самое? Какие-то такие, ну, сексуальные действия, которые вроде как школьникам совершать нехорошо?

Он предполагал, что день, когда им, возможно, придётся это сделать, когда-нибудь настанет, но он и подумать не мог, что это нагрянет вот так внезапно. Если уж обязательно спрашивать, нравится ему это или нет... то не то чтобы... ему это было неприятно. Но с тревогой ничего не поделаешь...

— Да нет, когда мы ехали на завод POSCO, мы проезжали мимо моря, и я был жутко разочарован, что мы его просто миновали.

Кон Пёнхва тянул Сэбёка за собой. Оставив позади ряды мотелей, они направились напрямик на пляж.

— Меня и так бесит, что мы не можем нормально сходить на свидание как следует, но хотя бы посмотреть на море — это ведь ничего?

Открытое море казалось скорее пугающим, чем освежающим или красивым. Чёрная вода выглядела мрачной, больше напоминала чернила, чем воду. Ещё там, в такси, ему показалось, что на стекло упали капли дождя, и теперь действительно моросил дождь. Благодаря этой морозящей мороси, от которой и зонт толком не спасал, и без того влажный морской воздух казался ещё более сырым.

Говорят, что в провинции Кёнсандо зимой не так уж и холодно, но то ли они выбрали неудачные дни для поездки, то ли ещё что — на дворе осень, а шёл дождь и было холодно. Может, холод ощущался острее из-за того, что это было море.

— Это пляж Сондо. Чем экскурсия на POSCO, пусть лучше море посмотрим. Согласен?

—...Ну да.

Сэбёку сталелитейный завод показался неожиданно любопытным и интересным, так что он лишь поверхностно поддакнул сентиментальности Кон Пёнхва и без особого воодушевления смотрел на море. Где море — там море, везде примерно одинаково, но Кон Пёнхва, похоже, находил в этом что-то необыкновенное и был в полном восторге.

— Мореморемореморе. Море. Море. Море.

Даже если ты не будешь это повторять, все и так знают, что это море. Долго наблюдая за возбуждённым Кон Пёнхва, Сэбёк решил, что это тоже сойдёт за воспоминание, встал рядом с Кон Пёнхва и достал телефон.